

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

**АНАТОЛИЙ НЕСТОРОВИЧ
ГЕНКО
(1896—1941):
ПАМЯТИ
УЧЕНОГО-ВОСТОКОВЕДА**

16 ноября 1996 г. минуло 100 лет со дня рождения А. Н. Генко, лингвиста, историка, этнографа, неутомимого исследователя Кавказа. Дата эта прошла мимо внимания нашей востоковедной общественности. Хочется надеяться, что публикуемые здесь материалы восполнят это досадное упущение, предоставив читателю сведения о научной деятельности и некоторые подробности о трагической судьбе ученого, посвятившего всю свою недолгую жизнь, оборванную в заключении, всестороннему изучению народов Кавказа.

Распад Союза, возникновение «горячих точек» в Кавказском регионе и другие суровые реалии нынешней жизни затруднили подготовку (получение информации из республиканских архивов и т. п.) данной публикации. Тем не менее из развалин Чеченского государственного университета в г. Грозном пришла статья о Генко — лингвисте, написанная доцентом кафедры русского языка Абузаром Алиевичем Сумбулатовым, которому мы обязаны спасением архива А. Н. Генко во время печально известного штурма города. Информацию о Генко — этнографе с оценкой его роли и места в российском кавказоведении представил сотрудник Института этнографии и антропологии РАН (г. Москва) Юрий Дмитриевич Анчабадзе. Воспоминаниями о встрече с Генко в тюремной камере поделился доктор исторических наук арабист Теодор Адамович Шумовский (г. Санкт-Петербург).

Впервые издается речь А. Н. Генко, посвященная памяти академика-лингвиста Н. Я. Марра. Эта речь и ряд других материалов (воспоминания об отце, выписки из следственных дел, библиография трудов А. Н. Генко, перечень материалов, характеризующих его жизнь и деятельность, подстрочные примечания) подготовлены для данной публикации дочерью ученого Галиной Анатольевной Генко (г. Санкт-Петербург).

Речь
памяти Н. Я. Марра, читанная 6 января 1935 г.
в Большом конференц-зале
Академии наук в Ленинграде¹

А. Н. Генко

Когда вдохновение овладевает поэтом, художником или музыкантом, когда творческие силы личности загораются мгновенно и вырываются наружу со стихийной силой взрыва, тогда нет места спокойному, дробящему анализу.

Но вот совершается неизбежное — готовый продукт вдохновения отрывается от своего творца, приобретая удобные свойства осязаемости, измеримости, расчленимости. И приходят эпигоны — все равно, в обычном ли пейоративном смысле этого слова или же прямо, этимологическом — и стих поэта, и штрих художника, и фраза музыканта поступают в лабораторию критического освоения и обобществления — на место первичного синтеза становится режущий живое некогда тело анализ.

Есть ученые — к ним бесспорно принадлежал Н. Я. Марр, — творческий облик которых невозможно понять вне аналогии с поэтом или художником: концентрированная многогранность мысли плохо ладит с научно-словесным ее выражением, диапазон тематики противостоит ограничивающим возможностям получения окончательных решений, творческая фантазия опережает завоеванные этапы положительного знания. Революционный склад характера наложил отчетливую печать на все проявления научной деятельности Н. Я. Замечательно и необыкновенно то, что, в отличие от многих настроенных революционно по отношению к стоящему вовне и нередко достаточно консервативных и сдержанных во всем, касающемся самих себя, Н. Я. не пощадил себя, не пощадил колоссального труда целой жизни и в седьмом десятилетии начал как бы заново работу, произнося нередко суровый приговор многому из своего научного прошлого.

Таким образом, единство научного труда Марра, рассматриваемого по совокупности, единство противоречивое. Особенно тяжело поэтому приходится всем, стоящим перед попыткой сколь-нибудь полной и притом адекватной оценки его научного наследия. Я не говорю о чисто количественной громадности задачи. Трудность прежде всего в том, что оценка предполагает сравнение, а сравнение — анализ, т. е. расчленение. Расчлените организм — он умирает. Раздробите круг идей, вдохновлявших Н. Я. на всем протяжении его долгого научного пути по неизбежно схоластическим принципам научной систематики, например, на философию, филологию, историю, лингвистику и т. д., —

---

¹ Публикуется по рукописи из личного архива Г. А. Генко. Печатается с некоторыми сокращениями из-за плохой сохранности оригинала; сокращения обозначены [...].

вы вынете основной стержень, организующее творческое начало, яркость проявления которого на всех деталях, на всех ничтожных подчас частностях исследовательской работы и придает прежде всего остального грандиозность его труду, мощь его научному, не отступающему ни перед какими трудностями пафосу, интимную жизненность и глубокую историчность его общей научной концепции.

И все же приходится расчленять нерасчленимое. Одно внешнее обстоятельство приходит в данном случае нам на помощь: физическая дробность печатного выражения научной мысли ученого, что помогает выделить более значительные по объему и содержанию работы, подвергнуть их хронологической и тематической группировке, наметить узловые пункты и вехи исследовательского движения мысли. Н. Я. любил сам, в особенности в последние годы жизни, предварять свои работы ретроспективным обзором пройденного пути, намечать этапы. Он призывал нередко и сотрудников своих к тому же, подчеркивая субъективные трудности самооценки, возможности иной периодизации. Не ставя перед собой этого вопроса во всем объеме сейчас, можно утверждать, по совпадению моментов внешнего и внутреннего психологического, что основной этап деятельности Н. Я. пришелся на годы перелицевания нашей страны, годы, в которые ученый с заступом в одной руке и пером в другой, пересекающий во всех направлениях страны Кавказа, этой арены, возбуждающей и стимулирующей его творчество, превратился на время и почти внезапно в ученого, замкнутого в своем кабинете и в едва не полном одиночестве передумывающего те грандиозные вопросы, над разрешением которых мысль билась в прежние годы под покровом калейдоскопического окружения внешних впечатлений, получаемых в полевой работе. И ученый сказал себе значительными словами древнего философа — *tardi ingeni est rivulos consectari fontes eorum non videre* — признак косного ума следить за ручейками, а не видеть истоков вещей.

Это было в 1918—1920 гг., по отражению в печати — в 1922—1924 гг. По одну сторону стоит тезис территориального и хронологически строго определимого, основываемого на четко формулируемых фонетических законах соответствий праязыкового единства группы литературных языков (грузинского и семитических), по другую же сторону — резкое и универсальное «новое учение о языке», о котором Н. Я. пишет: «...ставя проблему о происхождении языка как основную, тем самым считаем первоочередной и проблему мышления, отводя служебное место технике речи, звуковая она или ручная». «Языковед, отворачивающийся от проблемы происхождения языка как не своего дела первой очереди в теоретических изысканиях, тем самым вычеркивает себя из числа языковедов». «Нет у речи никаких фонетических законов физиологических, физиологическая сторона — это техника». Но если «звуковые законы, устанавливаемые в интересах формальной классификации определенных языков, имеют значение для языков позднейших стадий развития, да и в них чем древнее система звуковой речи, чем древнее стадияльное ее развитие, тем свободнее и

неустойчивее эти так называемые фонетические законы», становится воочию ясно, что автор яфетической теории, основанной на строгих фонетических законах, на игнорировании проблемы мышления и т. д., занимается позднейшими стадиями развития и вычеркивает себя тем самым из числа языковедов. Но если он не языковед, а лишь ученый, формально оперирующий данными языков, подменяющий техникой реальное существо лингвистической науки, то кто же он по своей научной специальности? [...] На этот вопрос Н. Я. отвечает нам — филолог!

О том, как понимать взаимоотношения между филологом и лингвистом с точки зрения элементарной кооперации в широких рамках научной работы вообще, можно сказать словами Н. Я.: «От нас абсолютно не ускользает громадное для науки об языке значение исследований всех вообще работников, по специальности часто не лингвистов. [...] Их работы, думают ли они об этом или нет, это материально живая вода на мельницу яфетической теории (в ее новом аспекте, конечно). [...] Вопрос не в споре между языковедами, филологи они или лингвисты, а между формальным методом и общественно-материалистической постановкой науки об языке».

Понимая под словом «филолог» вместе с Н. Я. и, добавлю от себя, вместе с греческими филологами древности, формально техническую работу в области языкознания, черпаю решимость сосредоточиться на этом участке работы моего учителя по следующему личному основанию. Судьбе было угодно привести меня впервые к Н. Я. 19 с половиной лет тому назад в качестве студента филолога-классика; ей же я обязан тем, что за полгода до смертельного заболевания Н. Я. мне пришлось в последний раз беседовать с ним подробно о своих научных работах. Н. Я., сказав не без видимого сожаления: «Вы, конечно, были и остаетесь филологом», выразил настойчивое желание видеть меня, занимающегося бесписьменными языками Кавказа, в числе сотрудников своего лингвистического Института Языка и Мышления.

Говоря об Н. Я. Марре как о создателе кавказской филологии, следует в обоснование и разъяснение тезиса выделить из числа его работ за тридцатилетний промежуток времени — с 1888 г. по 1918-й — четыре основных русла филолого-лингвистических разысканий его, которые, будучи тесно слиты друг с другом, постепенно нарастали и ширились, охватив в конце концов весь Кавказ — территориально от крайнего юга до последних пределов его на северо-западе и северо-востоке, хронологически — от доисторических эпох до времени великой европейской войны включительно. Эти четыре русла изысканий суть: 1) работа в области сравнительно-грамматической, ведущая по времени и значению, первостепенная, наиболее экстенсивная линия исследования — так называемая яфетическая теория; 2) следующая за первой во времени работа в области истории литературных языков и связанных с этим вопросов лексических заимствований; 3) работа в области формально-описательной грамматики; 4) работа в области диалектографической лексикологии.

Ища пути преодоления культурной изолированности грузинского языка, на которую обрекали его исповедовавшаяся университетским учителем проф. Цагарели и заимствованная им механически от кодификатора лингвистических сведений того времени Ф. Мюллера точка зрения на грузинский язык как на язык «без рода и племени», стоящий вне установленных наукой языков, Н. Я. обратил свое внимание на ту особенность морфологической структуры семитических языков, которая замыкается в различном значении в них гласных и согласных; роль последних ограничена функцией корневых носителей отвлеченного смысла. Грузинские глаголы в своих разновидностях и частично в их временах также подчеркивали, казалось, эту же морфологическую идею. Ухватившись за этот рычаг, Н. Я., окунувшийся в университетские годы с головой в семитологию, повел длительную, не прерывавшуюся, в сущности, до 1919 г. работу по выявлению общих грузинскому с семитическими фактов, каковыми он, не без влияния особенностей методологии лингвистической семитистики, считал по преимуществу факты словаря. Этот «семитизм» грузинского открывал широкие, дотоле негаданные культурно-исторические перспективы; но он же налагал тягчайшие научные обязательства — экстенсивной, выходящей далеко за пределы собственно грузинского языка осведомленности. Общие филологические тенденции факультета восточных языков в связи с личным влиянием научного руководителя Н. Я. — В. Р. Розена предопределили судьбу официальной академической работы Н. Я. до момента получения им звания ординарного профессора (что случилось в 1902 г.) в смысле исключения проблемы гипотетического и экстраординарного порядка, какой был семитизм грузинского. Суть проблемы нашла отражение в провинциальной газетной статье на грузинском языке в форме коротенького чисто декларативного заявления: «...по-видимому, грузинский язык (собственно грузинский, мегрелочанский и сванский) происходят из одного праязыка, столь же походившего на семитические языки, как семитические похожи друг на друга». Эта идея Н. Я. призвана была служить долгое время стимулом и основой практики колоссальной филологической работы в области смежных с Кавказом культурных миров — семитического и иранского, а в теории — для освещения структурных и лексических явлений и черт грузинского и армянского языков.

Между тем, публикация труда, обосновывающего теорию грузино-семитического праединства, значительно задержалась. Об обстоятельствах задержки мы можем составить суждение со слов самого Н. Я. Так, в связи с намерением дать на предстоявший съезд ориенталистов заметку по этому вопросу, Н. Я. пишет Розену 14 июля 1894 г. из Страсбурга: «Семитизм груз. я опять решил отложить: насколько уверен в действительности генетич. связи груз. с семит. и важности этого факта для объяснения многих фактов в армянском языке, настолько же боюсь неумелым изложением и поспешностью попортить дело и отбить у других охоту к работам в этом направлении; тем более медлю, что прочтение многого, чего я не читал, значительно облегчит де-

ло доказательного изложения, судя по собранным из тех книг цитатам. Затем, беглая заметка, прочтенная на съезде по такому вопросу, произвела бы скорее впечатление курьеза, тем более что здесь вообще мало верят в русскую науку».

Далее причиной, вызвавшей задержку в опубликовании полной сравнительной грамматики, послужило убеждение в том, что «более важно в данный момент разработка этой теории, изучение родственных с грузинским других яфетических языков, хотя и не литературных».

Тем не менее, в предисловии к своей первой (из двух) историко-литературного характера диссертации (май 1899 г.) находит первое печатное выражение второй этап яфетической теории (оформившийся в 1894 г., как видно из переписки Н. Я. с Розеном) — включение в яфетическую семью доарийских предков армян. Здесь же впервые выдвигается яфетидологическая транскрипция, столь известная по поздним работам Н. Я. Наконец, в 1908 г. тезис теории получает печатную формулировку в форме предварительного сообщения о родстве грузинского языка с семитическими.

В сообщении приводятся основные положения [...]: 1) фонетика грузинского языка родственна с фонетикой семитических; 2) принципиальное родство в морфологии выражается в том, что в грузинском гласные служат показателями этимологических категорий, что же касается корней, то они состоят исключительно из согласных; 3) грузинский язык разнится с семитическими, что, по словам автора Таблиц, решающе важно, самыми реалиями, под каковыми разумеется корнеслов.

Предварительному сообщению суждено было остаться таковым до последних дней интереса Н. Я. к компаративному методу в языкознании. Так и ненапечатанный полный курс сравнительной грамматики разрастался и пополнялся систематически, по-видимому, до 1919 г.; читал его Н. Я. последний раз, насколько мне помнится, в 1921 г., но уже с заметным ослаблением интереса к подобной трактовке вопроса.

После 1908 г. центр тяжести работы над яфетической теорией перемещается: главное внимание Н. Я. направляется в связи с все расширяющимся кругом языков, вовлекаемых в компаративное изучение на основе семито-яфетической фонетики, на уяснение взаимоотношений внутри этих языков. В 1909 г. — это мегрело-чанский, в 1911 г. — сванский, в 1912 г. — абхазский, в 1914 г. — цова-тушинский, в 1915 г. — халдейский, в 1916 г. — аварский, андо-удычные, казикумыкский языки; в 1918 г. начата работа над басским, совершается поворот от компаративного метода к палеонтологическому.

К изысканиям в области истории литературных языков Н. Я. приобщился в своей еще студенческой работе «Историко-литературный обзор грузинских повестей, писанных в прозе в XI и XII веках», где подверг анализу 4 памятника средневековой грузинской литературы, открыв длинный ряд исследований по вопросам литературных взаимоотношений многих народов Передней Азии. Издание, по методам об-

работки — единственное в своем роде и ставшее классическим для целого ряда средневековых памятников армянской, грузинской, христианско-арабской литератур, сопровождалось созданием грамматики грузинского и армянского языков и давало первоклассный материал для этимологического словаря. Колоссальность этой последней работы явствует из простой справки: количество слов литературных языков Передней Азии, истолкованных Н. Я. с замечательной филологической акрибией, составляет свыше 4—5 тысяч.

В трудах Н. Я. наука получила, таким образом, впервые настоящее представление о том, как выглядели памятники средневековой литературы на языках Закавказья, и ценнейший материал для этимологических словарей этих языков. Количество работ здесь столь велико, что перечислить хотя бы по названиям их невозможно без значительного труда и затрат времени.

О работах Н. Я. в области описательной грамматики... Здесь мы имеем армянскую грамматику 1903 г., насыщенную разнообразным материалом по истории литературного армянского языка, наиболее полную из всех армянских грамматик, существующих на западно-европейских языках. Грамматика лазского языка с текстами — непревзойденный пока образец трактовки бесписьменного кавказского языка. Схема построения лазской грамматики Н. Я. использована в грамматике мегрельского языка И. Капшидзе (1914).

Ряд различно построенных грамматик грузинского языка, напечатанных на русском и французском, к сожалению, лишены той ценности грамматической трактовки, какая естественна при статическом рассмотрении систем и характеризует две вышеназванные работы. О грамматике древнелитературного грузинского языка, изданной в 1925 г., сам автор говорит в предисловии, что «книга появляется лишь теперь — 3—4 года после идеологической смерти ее построения».

Мы не имеем, к сожалению, законченных грамматических работ Н. Я. ни по сванскому, ни по абхазскому. Большое количество интереснейших материалов по целому ряду бесписьменных языков Северного Кавказа — цова-тушинскому, дидойскому, андийскому, ботлихскому, аварскому и т. д. — осталось в рукописях.

Начатая в 1911 г. работа над сванским языком не дала грамматического результата. Исследования сванского языка в области морфологии наиболее ярко отражены в статье «Где сохранились сванские склонения» (1911) и в очерке о названиях деревьев и растений (1915). Результат иного порядка проявился в «Извлечении из сванско-русского словаря», напечатанном лишь в 1922 г., через пять лет по представлении к печати [...].

Во всех вышеперечисленных областях кавказской филологии были у Н. Я., конечно, и предшественники; не исключая даже вопроса о генетической связи грузинского и семитических. Но работы их были *disjecto membra*¹. Ни в количественном, ни тем более в качественном

¹ Разыйтэе части (лат.).

отношении эти работы предшественников Марра не идут в сравнение с тем, что сделано в этой области Н. Я. Его научной деятельностью впервые созданы все условия и предпосылки, обосновывающие право на существование в системе наук той ее отрасли, которая называется кавказской филологией. Это право покоится на основе значительнейших трудов.

Документированная история литератур на языках Грузии и Армении, грандиозный лексикографический материал как по этим языкам, так и по целому ряду живых бесписьменных языков Северного Кавказа, ряд научных грамматик — все это в обрамлении блестящей конструкции, обобщающей материалы о культурно-исторических судьбах стран Кавказа, взаимозависимости Кавказа и семитического мира.

Большинство работ Н. Я. остались не доведенными до конца — слишком велико было, с одной стороны, количество тех проблем, которые возникали на творческом пути ученого, слишком огромны были, с другой стороны, те требования филологической акрибии и всесторонности, какие предъявлял к себе и своим работам автор [...].

Велики обязательства наши по отношению к научному наследию Н. Я., велики в меру громадности этого наследия. Я пользуюсь случаем указать на крайнюю неполноту всех без исключения печатных списков работ Н. Я. Не может подлежать спору необходимость сделать в данном случае то же, что сделано было по отношению к Броссе, — дать аналитическую библиографию всех его работ как печатных, так и оставленных в громадной массе лишь в рукописях. Это следует оформить организационно немедля же, поскольку работы предстоит уйма, а работников, достаточно квалифицированных для того, чтобы справиться с задачей хотя бы технически, не слишком много.

Это — материально-техническая сторона долга нашего по отношению к научному наследию Н. Я. Есть и другая сторона дела, общая и принципиальная. Сверкающим мечом, поднятым на защиту культурных прав родных ему и угнетавшихся политически и идеологически народов Кавказа, назвал ярко и справедливо Н. Я-ча представитель Закавказья в своей надгробной речи 22 декабря прошлого года. И долг всех тех, кто не на пустых словах, а на деле желал бы идти по пути, с таким поразительным успехом и энергией проложенному Н. Я-чем в науку о Кавказе, а тем самым и в востоковедение в целом, состоит в том, чтобы работать на окончательное сокрушение, на полную и безвозвратную смерть всех попыток и рецидивов легкомысленного пренебрежительного отношения к интересам научного изучения, интересам культурного развития народов Кавказа. Отношения, выражающегося сплошь и рядом в допущении таких чудовищных в свете современности нелепостей, как, например, ликвидация существующих в интересах этих народов вузовских кафедр, полное пренебрежение и игнорирование подчас элементарнейших интересов кавказоведения в центральных исследовательских учреждениях Ленинграда и Москвы и проч. Мы сможем почтить на деле память великого ученого кавказоведа, следуя неуклонно проводившемуся им принципу полнейшего

научного равноправия наименее известных народов Кавказа с мировыми культурнейшими народами Запада и Востока. Лишь при этом условии мы сможем сказать, что Н. Я. жил и работал среди нас — востоковедов не напрасно, что дело его в этой части в надежных руках коллектива работников советского востоковедения.

Из воспоминаний об отце (А. Н. Генко в кругу семьи и друзей)

Г. А. Генко
(Санкт-Петербург)

В памяти близких отец остался человеком, для которого главным делом жизни была работа. Ей он посвящал дни и ночи. Будни семьи проходили под шепот: «Тише, папа работает». Специфический режим бытия не помешал, однако, обретению многочисленных знакомых и друзей.

Много лет отец был связан большой дружбой с Федором (Фридрихом) Александровичем Розенбергом¹, длившейся до кончины Ф. А. в 1934 г. и запечатленной в записках и письмах на нескольких языках Запада и Востока, которыми друзья обменивались в дополнение к частым встречам.

Бликие отношения связывали отца с ФАФом — Федором Артуровичем Фиельструпом (погиб в тюрьме в 1933 г.)², а также с семьей Бонч-Осмоловских — Глебом Анатольевичем и Ольгой Георгиевной. Вот они все вместе на поблекшей фотографии 1931 г.: ФАФ с супругой Еленой Михайловной Пещеревой³, Бончи с двумя сыновьями, отец и мать со мной на руках. Встречи этой компании сопровождались бурными политическими дебатами, особенно яростными между отцом и Г. А. Бонч-Осмоловским⁴. Подробности красочно описаны в статье Н. И. Платоновой о Г. А. Бонч-Осмоловском. Показательно, что, не-

¹ Ф. А. Розенберг (1867—1934) — востоковед, сотрудник Ин-та востоковедения (1902—1934), Яфетического ин-та РАИМК (1919—1929), ИНБУК, Гос. Эрмитажа (1928). Член-корреспондент АН СССР (1924).

² Ф. А. Фиельструп (1889—1933) — востоковед, этнограф, сотрудник Русского музея. Погиб в тюрьме во время следствия.

³ Е. М. Пещерева (1897—1985) — иранист, тюрколог, этнограф, лингвист, специалист по Средней Азии, преподаватель ЛГУ.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский (1890—1943) — археолог, антрополог, этнограф. Сотрудник Русского музея, ЛГУ (20-е гг.), ГАИМКа и ГИНа (1930—1933). Был арестован и отбывал срок в Воркутлаге (1933—1936). В связи с запретом на проживание в Ленинграде и Москве работал на хуторе в Лен. области по договорам с издательством АН и Ин-том антропологии МГУ (1936—1941). С 1941 г., после снятия судимости, — доктор исторических наук, сотрудник ИИМКа; в эвакуации в Казани работал также в Ин-те физиологии АН и преподавал в Казанском пединституте и университете.